

Народная поэзія въ Олонецкой губерніи, преимущественно былины, по матеріаламъ А. П. Воронова.

Извѣстно, что наибольшее количество памятниковъ безыскусственной народной поэзіи, особенно былинъ, было собрано въ Олонецкой губерніи, гдѣ изслѣдователи этого богатства—Рыбниковъ, Гильфердингъ и другіе—открыли настоящій кладъ ихъ, такое ихъ количество, какое и не грезилось въ воображеніи ученыхъ. Всего менѣе думали о богатствѣ былинной поэзіи въ своемъ краѣ сами олончане и только нѣкоторые подозрѣвали о существованіи этого богатства,—тѣмъ интереснѣе попытки этихъ лицъ отыскать эти богатства.

Глубокій знатокъ своего края—Олонецкой губерніи—А. П. Вороновъ въ своихъ матеріалахъ коснулся и этого вопроса.

Наша задача заключается въ томъ, чтобы, начавъ съ раннихъ собирателей, насколько позволяютъ матеріалы, собранные покойнымъ Вороновымъ, перейти и къ этимъ собирателямъ памятниковъ народной поэзіи—Рыбникову и Гильфердингу, и такимъ образомъ начертать картину изысканій и изслѣдованій вопроса о народной поэзіи. Самыя раннія попытки къ изученію этого вопроса мы видимъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1838 годъ, въ №№ 12, 13, 19, 21 «о собираніи пѣсенъ, пословицъ и проч.» С. А. Раевского. Здѣсь мы знакомимся съ удивительно цѣннымъ по тому времени взглядомъ на важное значеніе безыскусственной народной поэзіи, памятники коей собирались Кирѣвскимъ, Языковымъ, Хомяковымъ (извѣстно, что Пушкинъ вручилъ цѣлую тетрадь собранныхъ имъ памятниковъ народной поэзіи Кирѣвскому). Раевскій совѣтуетъ собирать эти памятники народной поэзіи, быстро исчезающіе псдъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, даетъ наставленія о способѣ записыванія ихъ и т. п. напр. онъ совѣтуетъ сначала дѣлать запись со словъ, а потомъ провѣрить съ голоса, т. к. при пѣніи лучше воспроизводятся подробности, чѣмъ при пересказѣ; записывать нужно слово въ слово; не удивляться тому, что цѣвецъ иногда въ пѣснѣ соединяетъ матеріалъ двухъ или трехъ пѣсенъ; совѣтуетъ не пренебрегать вариантами, ибо иногда незначительное проливаясь свѣтъ на что нибудь темное, неясное; упоминаетъ о «плачахъ» (миреологахъ по Гнѣдичу), доказывая, что они не заимствованы отъ грековъ, а есть достояніе русскаго народа и имѣютъ прецеденты въ памятникахъ поэзіи; указываетъ на плачъ Ярославны и еще на какой то плачъ слуги объ Андреѣ Боголюбскомъ и т. д.

Другой цѣнитель народной поэзіи А. Ивановъ (въ Олонецкихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1845 и 1846 г. г.) говоритъ о собирателѣ памятниковъ народной поэзіи Дашковѣ; указывая, что Олонецкая гу-

бернія располагаетъ большимъ пѣсеннымъ богатствомъ, чѣмъ сколько успѣлъ собрать пѣсенъ Дашковъ (составитель книги «Олонецкая губернія въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніи»). Онъ коснулся говорить Ивановъ, «только свадебныхъ и хороводныхъ пѣсенъ. Изрѣдка приходится слышать здѣсь унылыя и протяжныя пѣсни, не плясовыя и не свадебныя, исполненныя глубокаго чувства и между тѣмъ имѣющія свой мѣстный характеръ». Авторъ приглашаетъ читателей собирать подобныя произведенія и присылать для напечатанія въ Олонецкія Губ. Вѣдомости («Олонец. Губ. Вѣд. 1845 г. № 34» «Народныя пѣсни Олон. губ.»). Далѣе авторъ приводитъ начало пѣсни, слышанной имъ въ г. Пудожѣ отъ кемской крестьянки, и пѣсню, слышанную въ г. Петрозаводскѣ отъ карелки Повѣн. уѣзда:

«Я сижу, сижу подъ окошечкомъ,

Я гляжу—гляжу на Дунай рѣку...

«Подобныхъ поэтическихъ созданій можно найти въ Олонецкомъ краѣ довольно, только стоитъ прислушиваться къ старинамъ, которые поютъ слѣпыя нищіе на ярмаркахъ, на сельскихъ праздникахъ, на ступеняхъ храмовъ». Изъ сочиненія Дашкова, между прочимъ, и выписывается припѣвъ невѣсты передъ поѣздомъ къ вѣнцу:

«Вы повышейте, голубушки,

Заузорчатую занавѣсь:

Вы на первомъ углу вышейте

Вы Литву да со татарами;

На другомъ углу вышейте

Вы Москву да со боярами;

Вы на третьемъ углу вышейте

Царя да со царицею;

На четвертомъ углу вышейте

Красно солнышко со мѣсяцемъ

Да со частыми звѣздочками»...

Въ Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1857 г. № 30 говорится, что «на всемъ Новгородскомъ сѣверѣ встрѣчаются остатки русской старины въ пѣсняхъ, преданіяхъ, пословицахъ загадкахъ, обычаяхъ и преимущественно въ языкѣ... Особенно много памятниковъ стараго времени въ уѣздахъ Каргопольскомъ и Пудожскомъ Олонецкой губ., Такъ напр. въ Каргопольскомъ уѣздѣ до сихъ поръ поются старины, относящіяся по своему содержанію и языку къ давно минувшему. Въ Заонежѣ до сихъ поръ можно слышать много былинъ: поютъ ихъ старики или старыя женщины. Въ № 31 Олон. Губ. Вѣд. того же года сравниваются былины о «Соловѣ Будимировичѣ» Кириши Данилова съ такой же былинной, записанной въ Каргопольскомъ уѣздѣ, и отдается предпочтеніе по древности послѣдней. «Мы вполне увѣрены, что по мѣстамъ можно найти въ нашей губерніи превосходныя старинныя пѣсни».

Теперь переходимъ къ крупнѣйшимъ дѣятелямъ по собиранію памятниковъ народной поэзіи въ Олонецкой губерніи Рыбникову и Гильфердингу. Въ матеріалахъ Воронова объ этихъ дѣятеляхъ мы находимъ довольно значительныя выписки. Правда, свѣдѣнія о ихъ дѣятельности не новыя, но мы считаемъ нелишнимъ возобновить нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти читателей.

Въ письмахъ къ разнымъ лицамъ, интересовавшимся народною поэзію, Рыбниковъ сообщаетъ, какъ онъ собиралъ драгоцѣнныя памят-

ники поэзии. Въ письмѣ къ Хомякову 3 ноября 1860 года (Рыбниковъ, т. 2, стр. XVI) онъ пишетъ, въ какихъ уѣздахъ сохранились былины (Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ и Пудожгорскомъ приходѣ Повѣнецкаго уѣзда), затѣмъ перечисляетъ наиболѣе крупныхъ сказителей—Рябинина, Романова, Сорокина, Щеголенкова, колодозерскаго старика и Бутылку и т. д.

Разыскивая сказителей, Рыбникову приходилось дѣлать переѣзды въ 1000 верстъ, на утлой ладѣ дѣлать переѣзды по 40 верстъ. Иногда приходилось поручать другимъ лицамъ дѣлать записи былинъ, тратить на это деньги, разочаровываться въ людяхъ, такъ какъ они обманывали или просто списывали съ Кириши Данилова и присылали списанное Рыбникову. Записывая былины, Рыбниковъ отмѣчалъ и ту мѣстность, гдѣ приходилось записывать, такъ въ Петрозаводскомъ уѣздѣ много дала матеріала Кижская волость—деревни: Боярщина, Середка, Кургеницы (сказители—Рябининъ, Іевлевъ, Щеголенковъ). Былины записывались Рыбниковымъ не только отъ людей русскаго происхожденія, но и отъ карелъ, напр. отъ кареляка Лазарева Повѣнецкаго уѣзда записано 7 былинъ: Чурило, Садко, Илья Муромецъ, Хотѣнъ, Дюкъ, Грозный, Кострюкъ. Отъ карелки того же Повѣнецкаго уѣзда—смерть княгини Михайловны.

Въ письмѣ къ Безсонову 11 апрѣля 1861 года (т. 2-й стр. 9—10) Рыбниковъ сообщаетъ подробности о своихъ путешествіяхъ по собиранію былинъ и вообще памятниковъ народной поэзіи. Дѣлалъ онъ подобныя путешествія обыкновенно послѣ исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей. Такъ, въ 5 свободныхъ дней, выпавшихъ на его долю, онъ записалъ бытовыя пѣсни, заплачки, свадебныя пѣсни и духовныя стихи.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ 2 съ небольшимъ мѣсяца онъ записалъ больше 80 былинъ. Въ послѣднюю поѣздку (четвертую) въ одинъ день онъ записалъ послѣднія былины. «Любителей было много», писалъ Рыбниковъ въ одномъ мѣстѣ, «и начальниковъ горныхъ заводовъ, и губернаторовъ,—всѣ они собирали, а что явилось въ свѣтъ?—Одна старина въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположеніе съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутьемъ мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости. Я самъ пѣлъ и рассказывалъ крестьянамъ, что зналъ. Бѣдный Рябининъ, не встрѣчавшій уваженія къ своимъ любимымъ былинамъ, послѣ разговоровъ со мною, ободрился и самъ сталъ цѣнять поэтическіе обломки, сохранившіеся въ его памяти»

Замѣчательно возрѣніе самого собирателя былинъ на ихъ значеніе. (ч. 1-я, стр. 1-я Прим. Б). «Во всякой литературѣ, сколько-нибудь сочувственной живому, неподдѣльному творчеству народа, появленіе сборниковъ, подобныхъ изданному нынѣ, составляетъ обыкновенно эпоху... 88 былинъ: изъ нихъ многія доселѣ были совершенно неизвѣстны въ литературѣ и теперь приобщаются къ ней въ первый разъ; какія и были извѣстны, появляются въ разнорѣчіяхъ новыхъ или замѣчательнѣйшихъ; нѣкоторыя удивляютъ невиданнымъ прежде объемомъ, простираясь до 1000 стиховъ; почти всѣ отзываются глубочайшею древностью происхожденія; всѣ дышатъ истинною свѣжестью народнаго творчества, такъ и слышится, будто сейчасъ снѣ изъ души народа,

прямо изъ устъ его только что пропѣты... Пѣсни сѣдой древности объ Олегѣ и Микулѣ, о Святогорѣ и Суханѣ появляются въ первый разъ... и по всему этому разбросано столько древнѣйшихъ, баснословныхъ преданій и образовъ, столько... искръ-огней могучаго творчества, столько истинныхъ перловъ въ отдѣльных словахъ и выраженіяхъ. Достаточно лишь напечатать такой матерьялъ, чтобы дать пищу множеству выводовъ для области исторіи, для изученія народнаго творчества, для языкознанія. (стр. V). Въ «Замѣткахъ съ дороги» Рыбникова И. С. Аксакову (Олон. Г. В. 1862 № 43) мы имѣемъ дѣло съ первыми попытками ознакомиться съ памятниками народной поэзіи путемъ личнаго записыванія. Въ концѣ 1859 и началѣ 1860 Рыбникову пришлось побывать на Шунгской ярмаркѣ Повѣнецкаго уѣзда. Здѣсь ему удалось выслушать нѣсколько духовныхъ стиховъ. Въ эту же поѣздку Рыбниковъ познакомился съ шунгской вопленицей, «правителемъ свадебъ», которую приглашали даже въ Толвуѣ, гдѣ населеніе отличается поэтическою воспримчивостью и вообще очень разборчиво въ выборѣ вопленицъ, гдѣ каждая большуха можетъ импровизировать. Пѣвцовъ былинъ или старинъ, какъ ихъ здѣсь называютъ, все еще не удалось услышать, да и раскольничье населеніе Повѣн. уѣзда неодобрительно на нихъ смотрѣло, руководясь еще древнимъ запретомъ «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазнять». Въ «Замѣткахъ» проводится мысль, что для успѣха въ собираніи народныхъ пѣсенъ много значитъ «носить въ себѣ уваженіе къ самостоятельности религіозныхъ вѣрованій народа, къ особенностямъ его быта, къ тяжкому труду землепашца, работника и ремесленника и отбросить въ сторону нѣкоторые кабинетные предразсудки и барскія замашки. Тогда крестьянинъ не откажется признать своего брата и въ человѣкѣ, получившемъ университетское образованіе, и охотно расскажетъ ему все, что нужно».

Въ 1860 году прибылъ Рыбниковъ на лодкѣ къ Шуйнаволоку—островъ близъ Петрозаводска. Было много лодокъ изъ Заонежья. «Фатера», общій домъ для ночлега, была переполнена людьми. «Я улегся на мѣшкѣ и незамѣтно заснулъ»... Далѣе онъ рассказываетъ, какъ ему въ первый разъ удалось услышать настоящія старины, услышать которыя онъ такъ долго добивался. «Меня разбудили странные звуки: до того много слыхалъ я и пѣсенъ и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался, и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ то сѣдатый старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на короточкахъ у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному, то къ другому сосѣду и пѣлъ свою пѣсню, прерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ спрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ изъ деревни Середки Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать

много былинь: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалого Василия Буслаевича, про Хотѣнушку Блудовича, про сорокъ каликъ со каликою, про Свято-гора богатыря. да зналъ онъ варианты неполные и какъ то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первыхъ порахъ и записывалось какъ то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинь. помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалось уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія которое произвели плохіе варианты былинь, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтія изъ Шуйनावолока.

Другой крупнѣйшій дѣятель по собиранію богатствъ народной поэзіи въ Олонецкомъ краѣ, буквально положившій жизнь свою на это дѣло, былъ Гильфердингъ.

Въ поѣздку по Олонецкой губерніи въ 1871 году Гильфердингомъ было прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, а записано и провѣрено 318 былинь. По указанію Рыбникова онъ посѣтилъ Сѣнную Губу и Кижѣ на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвую на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро и Мошинскую сторону. Былъ онъ на Выгозерѣ и въ Данилсвѣ. По мнѣнію Гильфердинга, двѣ причины сохраненія эпической поэзіи въ сѣверной и восточной части Олонецкой губерніи,— это свобода и глушь. «Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного произвола. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ, напротивъ того, что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ. Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію, къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края исключеніе. 1) Такимъ образомъ здѣсь могли удержаться въ полной мѣрѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинъ «и вѣра въ чудесное (стр. XI). Огромное большинство живетъ еще вполне подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія. Поэтому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключемъ бьетъ (XIII); выводы, къ которымъ приходитъ Гильфердингъ: 1) былины сохранялись только въ средѣ крестьянъ; 2) почти всѣ рапсоды неграмотные (65 изъ 70); 3) былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей; 4) пѣніе былинь не развилось на нашемъ сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на западѣ и, какъ мы видимъ, въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усваивать себѣ старины.

Профессиональный характеръ имѣетъ пѣніе духовн. стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ каликъ на ярмаркѣ и въ храмо-

1) Писано въ 70-тыхъ годахъ прошл. столѣтія.

вые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинъ. Но зато почти всѣ крестьяне и крестьянки, которые поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи; особенно про Алексѣя человека Божія, Егорія Храбраго, Анику воина, царя Содомона и Голубиную книгу. По наблюденіямъ Гильфердинга, эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины. (стр. XVI). Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія (стр. XVII). Нѣкоторыя мастерства, напр. приготовленіе сѣтей для рыбной ловли, когда приходится долгіе часы сидѣть на мѣстѣ за однообразною работою—способствуютъ сохраненію былинъ; напротивъ того, крестьянство и другія тяжелыя работы заглушаютъ даже и то, что прежде знали (стр. XVIII). Гильфердингъ соглашается съ Рыбниковымъ, что на побережьяхъ Онежскаго озера (мѣста, которыя посѣтилъ Рыбниковъ) дѣйствительно эпическая поэзія близка къ вымиранію, былины поются преимущественно стариками и этимъ старикамъ-сказителямъ дѣйствительно не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, на Кенозерѣ,—тамъ быловая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько и въ младшемъ поколѣніи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Прибрежья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что несмотря на его значительную величину озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива—прибрежья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, устѣнный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ и въ этомъ оазисѣ и цвѣтетъ въ настоящее время ¹⁾ эпическая поэзія. Здѣсь, по выраженію Гильфердинга, самый воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, поэзія не вымираетъ, а даже еще ничетъ новыхъ предметовъ...

Интересно замѣчаніе Гильфердинга о неодинаковомъ достоинствѣ нашихъ рапсодовъ: «Они представляютъ собою цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная съ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ».

Далѣе Гильфердингъ объясняетъ, почему эпическая поэзія недолговѣчна: «Нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ запинки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Съ распространеніемъ промышленности, а особенно просвѣщенія эпическая поэзія должна неминуемо падать. Пѣвцы чужды сочинительства. Хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, говоритъ Гильфердингъ, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то и свято. Не разъ сочинитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой либо стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? какъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только этимъ и объясняется, по мнѣнію Гильфердинга, что въ былинахъ могла удержаться такая масса древнихъ, ставшихъ непо-

¹⁾ Писано въ 70 годъ прошл. столѣтія.

нятными народу словъ и оборотовъ.; только благодаря этому, могли удержаться бытовые черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаютъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ сѣверѣ, чтобы вполне понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особеннаго для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ—въ этихъ (стр. 25) «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковылъ травѣ, въ этомъ «раздольи чистомъ полѣ», которыя составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки Приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, напримѣръ, сохраненіе образа «гнѣдого дуба», давно исчезнуваго, или облика богатыря съ племомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ. Дубъ ему знакомъ столъ ѣко же, сколько намъ съ вами, читатель, какая нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что это такое ковыль трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно «проскакать», есть понятіе для него совершенно чуждое, ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькія, по большей части устѣянные камнями клочки пашни, либо сѣнокосы, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется гдѣ чистое, гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ...»

Вотъ наиболѣе существенное, что мы извлекли изъ матеріаловъ покойнаго Андрея Петровича Воронова о крупнѣйшихъ дѣятеляхъ по собиранію памятниковъ безыскусственной народной поэзіи въ Олонецкомъ краѣ. Пусть значительная часть сообщеннаго не нова, но не мѣшаетъ возобновить въ памяти читателей то, что отчасти стало забываться.

Пусть это напоминаніе возбудитъ новый интересъ къ народной поэзіи, ключи которой и до сихъ поръ еще не изсякли въ Олонецкомъ краѣ.

М. Правдинъ.